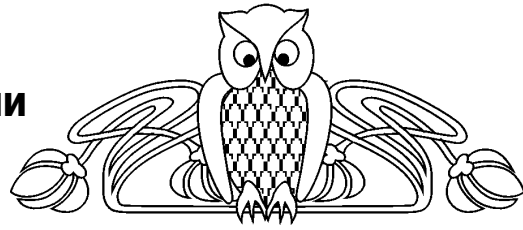

УДК 94(47)

Феномен большевизма в восприятии российской эмиграции

В. А. Митрохин

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, MitrokhinVA@yandex.ru

В статье рассматривается эмигрантский опыт осмысления советской власти, сформировавшийся под влиянием крушения Российской империи и радикальных политических трансформаций в 1917 г. На материалах разнообразных источников проанализирована динамика общественных настроений выходцев из России на протяжении 20-х гг., которые складывались под влиянием европейской жизни, внутриэмигрантской политической борьбы и большевистского государственного строительства.

Ключевые слова: эмиграция, власть, большевики, идеология, политика, интеллигенция, Россия.

Поступила в редакцию: 29.06.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Phenomenon of Bolshevism as it is Perceived by Russian Emigration

V. A. Mitrokhin

Vladimir A. Mitrokhin, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, MitrokhinVA@yandex.ru

The author considers the emigrant experience of understanding the Soviet regime that was born under the influence of Russian empire collapse and radical political transformations in 1917. Based on different sources, dynamic of Russian natives' public moods throughout 1920 (the one that was affected by European life, inter-emigrant political struggle and Bolshevistic state-building) is analyzed.

Keywords: emigration, power, Bolsheviks, ideology, politics, intellectuals, Russia.

Received: 29.06.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-454-460>

Одним из итогов драматических событий в России в 1917 г., последовавшей за ними Гражданской войны стало формирование российского зарубежья или «России № 2», как его порой именовали бывшие подданные рухнувшей империи. Первые годы пребывания россиян в эмиграции были отмечены не только энергичными действиями по обустройству в новом для многих мире,

попытками решения насущных бытовых и экономических проблем, но и стремлением разобраться в характере изменений, происходивших на Родине.

В начале 20-х гг. советский эксперимент вызывал у эмигрантской общественности бурное неприятие и крайне эмоциональные оценки, во многом навеянные недавно пережитыми кровопролитными событиями, осознанием потери собственной страны. Критические «стрелы» в сторону ненавистной «советчины» направляли представители самых разных социальных групп – военные, политики, писатели, ученые и т. д.

Достаточно показательным в связи с этим явилось издание в 1920 г. в Берлине брошюры Л. И. Шестова «Что такое большевизм». С точки зрения известного философа, большевики воспользовались не только результатами многолетней борьбы русской оппозиции с царизмом (при этом особо отмечена роль партии социалистов-революционеров), но и междоусобицей в лагере политических оппонентов¹. Далее произошло непоправимое – «большевизм предал и погубил русскую революцию ... сыграл на руку самой отвратительной и грубой реакции». По сути, рассуждал Лев Шестов, это возвращение в прошлое, к «царским приёмам», ибо вновь, как в недавнем прошлом, самым ненавистным словом стало слово «свобода». Новая власть по своей природе деспотична, реакционна и не способна на созидание. «Если бы умершие Аракчеев и Николай I восстали из гробов своих, они могли бы идейно торжествовать»², – утверждал автор.

Неизбежным следствием нового порядка, по мнению Льва Исааковича, был приток во власть «огромного количества бездарных и бессовестных людей», которым все равно, кого хвалить и что говорить: «печать хамства лежит на всей деятельности большевистской бюрократии»³.

В том же 1920 г. эмигранткой и европейской публике был представлен еще один опус, близкий по настроению книге Л. И. Шестова. Автором брошюры с характерным названием «Чёрт за рулём (заметки о большевизме)» являлся М. Горелов, в предисловии представившийся как журналистом⁴. Книга была отпечатана в известной типографии Е. А. Гудкова.

По мнению М. Горелова, революция в России была неизбежна и явилась следствием «родимых черт» русского народа, а среди них – «отсутствие государственного инстинкта и деятельной любви к Родине», «презрение к закону», «истеричность». Большевизм же как крайне радикальная форма

проявления идеологии и властвования служил отражением ещё одного национального качества – «максималистского строя народной души»⁵. Однако на определенном этапе гражданского противостояния именно идеи большевиков консолидировали народную энергию и обеспечили победу.

Поражение А. И. Деникина, А. В. Колчака и других противников нового порядка, как считает автор, было не столько военным, сколько идеологическим. Он пишет: «Сознательно или нет, но они несли на своих штыках идею реставрации ... не знали и не понимали ту новую Россию, которую хотели спасти»⁶. Теперь же ожидаемое и неизбежное «обмирщение коммунистической церкви» привело к тому, что народ не хочет «ни большевизма, ни опостылевшей полицейщины»⁷. Рецепт выхода из критической ситуации после нескольких лет Гражданской войны предлагался очень простой – ее продолжение.

М. Горелов в своей работе пафосно и максималистски заявлял следующее: «Идея гражданской войны должна быть принята как священная, как единственное оправдание нашего существования. Через братоубийство – к братолюбию! На крови будет выстроен храм государственности новой России – страшный цемент, но единственный...»⁸. Не лишне отметить, что идея реванша, заявленная в брошюре «Чёрт за рулём (заметки о большевизме)», была популярна среди определенных слоев эмиграции в начале 20-х гг. и, как правило, увязывалась с личностью генерала П. Н. Врангеля.

Апокалиптическими мотивами в оценке происходящего в России была преисполнена литературная и общественная деятельность еще одного сторонника интервенции – Д. С. Мережковского. В известной статье «Царство антихриста. Большевизм, Европа и Россия» он писал: «Большевизм, как душевная болезнь – не столько умственная, сколько нравственная ... абсолютный провал человеческой личности». Мережковский удивляют и изумляют равнодушные и «невмешательство» (а то и сотрудничество!) европейской публики по отношению к гибнущей стране: «Провалилась Россия, шестая часть планеты Земля, а Европа хочет устроиться на самом краю провала...»⁹. И все-таки, по мнению автора, надежда есть. На смену «царской, рабской», «хамской, большевистской» непременно должна прийти «третья Россия» – «свободная и народная»: «Если большевизм не только политика, но и религия, то победа над большевизмом должна быть победой Бога над дьяволом»¹⁰. Свою веру в будущее восхождение страны Дмитрий Мережковский по-прежнему связывал с Европой, особенно с Францией.

Известный юрист и общественный деятель А. А. Гольденвейзер также попытался разобраться в феномене большевизма. В 1922 г. в Берлине, в издательстве «Мысль» вышла его книга «Якобинцы и большевики: психологические параллели»¹¹. Свои представления о французской реформации

А. А. Гольденвейзер строит в первую очередь на основе анализа известного труда французского философа-позитивиста Ипполита Адольфа Тэна «Происхождение современной Франции». Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на различие революционных процессов во Франции и России, есть явления, которые сближают эти социальные катаклизмы. Психология «среднего якобинца» вполне соотносима с большевистской и определяется такими качествами, как: умственная неподготовленность, самонадеянность и, наконец, обращенность к абстрактным теориям, доктринерству¹².

Формирующийся таким образом режим «аристократии наизнанку» создавал своего рода социальный лифт, где «последние становились первыми». И еще одно наблюдение А. А. Гольденвейзера, роднящее, по его мнению, французскую и русскую революции: «Во Франции, как и в России, самые блестящие революционные карьеры делали зелёные юнцы»¹³.

Тему качественного изменения управленческой элиты затрагивали и другие эмигрантские авторы. Так, Питирим Сорокин в работе «Современное состояние России» достаточно подробно рассматривает социальные сдвиги в управляемой большевиками стране¹⁴. По его мнению, произошла простая перегруппировка в существовавшей раньше социальной пирамиде неравенства. В начале революции из верхних этажей пирамиды массовым образом были удалены старая буржуазия, аристократия и привилегированно-командующие слои. Их место заняли отдельные «обитатели социальных подвалов», «интернационалисты» и т. д. Будущее «светило» американской социологии в 1922 г. не скупился на самые жесткие оценки новоявленной элиты: «В условиях зверской борьбы, обмана, беспринципности и морального цинизма они чувствовали себя великолепно, занимали выгодные посты, зверствовали, мошенничали, меняли по мере надобности свои позиции и жили сытно и весело»¹⁵.

Не исчезла и сама пирамида неравенства, как считал П. Сорокин. На низах снова были массы, наверху – командующие властители. Последние были еще более привилегированны, чем старая власть, первые – еще более обездолены, чем раньше¹⁶.

Морально-психологическое состояние общества в большевистской России стало предметом подробного рассмотрения бывшим эсером, делегатом всероссийского учредительного собрания от Вологодской губернии С. С. Масловым. В начале 1922 г. Сергей Семенович Маслов был исключен из эсеровской партии решением ее ЦК. Осенью 1922 г., пребывая в Праге, он создал группу «Крестьянская Россия», лидером которой являлся до 1938 г.

В начале 20-х гг. в Париже, в издательстве «Русская печать», вышел двухтомный труд С. С. Маслова¹⁷. На основании достаточно подроб-

ного анализа настроений в разных слоях общества (рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, армия, учащиеся) автор пришел к выводу о том, что «социально-психологические сдвиги в России огромны, широки и бесконечно разнообразны»¹⁸. Вместе с тем выплеск гигантской социальной энергии в прошлые годы неизбежно привел к спаду общественной активности, исчезновению некогда признанных политических институтов, духовному кризису. Это наиболее четко просматривается на примере интеллигенции, которая «в массе своей смеётся, брюзжит, злобствует ... в лучшем случае занимается бессильной словесной критикой советского строя»¹⁹.

По мнению С. С. Маслова, сложившийся «рабовладельческий» порядок вещей, методы управления страной, которые «оттолкнули от правящей партии всё нравственно здоровое», бюрократизация и паралич народного хозяйства неизбежно приведут к свержению власти²⁰. Все надежды на будущее оздоровление общества этот общественный деятель связывал с российским крестьянством – «наиболее активной политической силой, которая борется неустанно и ожесточенно». Аргументируя свою позицию, автор ссылался на данные всероссийской ЧК. Только в феврале 1921 г. восстаниями были охвачены 118 уездов и до 15 городов²¹.

Уничтожающей критике большевистская власть подвергалась в книгах и публикациях П. Б. Струве²², Ф. А. Щербины²³, А. М. Терне²⁴ и других авторов. Однако на смену эмоциональному накалу и политизированности первых лет пребывания на чужбине неизбежно должны были прийти более взвешенные и здравые оценки происходивших на родине событий. И это произошло. Весьма показательным в данном контексте явился выход сборника «Смена веков»²⁵. Тональность большинства статей вызвавшего резонанс издания явно контрастировала с подходами непримиримых оппонентов большевистской власти, включая обозначенных выше авторов. По-разному выдвигались и будущность Российского государства.

Так, кубанский казачий политик, бывший член-корреспондент Императорской Академии Наук (1904) и будущий ректор Украинского свободного университета (1924–25 гг.) Фёдор Андреевич Щербина доминирующей тенденцией происходящего в политическом и географическом пространстве ушедшей в небытие Российской империи видел прежде всего «исторический процесс самоопределения территорий (Украина, Сибирь и т. д.)». Внутренний труд Ф. А. Щербины обращен к исследованию истоков происхождения, сущностных черт и будущего большевистского режима. Это явление российской истории, по его мнению, представляет собой отклонение от естественного течения социальной жизни («ужасающая пропасть надломленного человеческого прогресса», «антипод социального движения», «русский самобытный эклектизм гегемонистских

построений» и т. д. Определяющими характеристиками сложившегося политического порядка являлись его «несовместимость с демократическими принципами парламентаризма и замена закона произволом»²⁶. Следует отметить, что далеко идущие выводы делались в том числе на основе анализа саратовской губернской периодики и других источников.

А. Ф. Щербина утверждал следующее: «Было бы большой ошибкой проводить нелепую систему объединения всех этих частей с помощью грубой силы». В этом смысле для профессора Щербины одинаково неприемлемы как большевики, носящиеся с «эфмерной идеей мировой революции», так и представители «белого воинства» (А. В. Колчак, А. И. Деникин, П. Н. Врангель) со своим «ходульным и пустопорожным лозунгом единой неделимой России»²⁷.

Что же предлагал признанный ученый и общественный деятель? Будущее виделось ему «союзом миролюбия» (на основе предложений президента США Вильсона), неким «славянским единением» при недопущении «покровительства и гегемонии России»²⁸. «Ныне, в век демократических течений, оно (единение. – В. М.) диктуется на основе равноправия славянских народов. Вот почему русское государственное строительство должно совершаться путём федерации как разрозненных своих частей, так и общеславянского объединения...»²⁹.

Диаметрально противоположный концепт предложен авторами сборника «Смена веков». В статье «Патриотика» заявлено следующее: «Советская власть будет стремиться всеми средствами к восстановлению окраин с центром – во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же – во имя Великой и Единой России. При всём бесконечном различии идеологий, практически – путь один...»³⁰.

Один из авторов сборника, адвокат и потомственный дворянин А. В. Бобрищев-Пушкин высказал мнение о том, что в стране, переживающей жестокий кризис революции, никакая другая власть, кроме советской, не в состоянии стабилизировать общественную ситуацию, «никто ни с чем не справится, все перегрызутся...»³¹. «Причудливая диалектика истории неожиданно выдвинула Советскую власть с её идеологией интернационализма на роль национального фактора современной русской жизни, в то время как наш национализм, оставаясь непоколебимым, на практике потускнел и поблек...»³².

А. В. Бобрищев-Пушкин пришел к выводу, согласно которому, независимо от концепции будущего социального строя, коммунисты стали «знаменосцами будущей жизни, трубачами социальной борьбы»: «За это их ненавидят, за это их любят. За это ненавидят и любят Россию, ставшую во главе того лагеря, которому суждена победа, ибо он – будущее. Официальная Европа – прошлое...»³³.

Ю. В. Ключников, обращаясь к своему бывшему однопартийцу (оба какое-то время были членами кадетской партии), одному из авторов «Вех» и принципиальному противнику большевиков П. Б. Струве, писал: «Вам нужно понять, что революция совершилась, и Вам нужно принять революцию... Вы увидите, как поразительно гармонически сочетается всё, что Вы писали в 1909 году с тем, что придётся делать в конце 1921 года»³⁴. Сам П. Б. Струве, пытаясь разобраться в истоках трагических событий 1917 г., считал, что после введения народного представительства и провозглашения гражданских свобод опасность свободного развития страны исходила не столько от монархии, сколько от радикально настроенных элементов, готовых продолжить революционную борьбу с властью любыми способами. Эту особенность развития России не сумели уловить кадеты, оказывавшие серьезное влияние на политическую ситуацию в стране. Результатом исторического заблуждения явилась революция, которая по убеждению П. Б. Струве, была «антипатриотична, противонациональна и противогосударственна»³⁵.

Книга французского философа и историка, участника революционного движения в России, эсера Якова Лазаревича Юделевского (1868–1957) (псевдоним – А. Волин) также была попыткой разобраться в российской действительности тех лет. Автор выражает несогласие с распространенным в эмиграции мнением, согласно которому революция явилась реакцией на «самодержавный деспотизм». С его точки зрения, Россия в прошлом была страной «неограниченной свободы, анархии законов, разгильдяйства нравов, воровства, лжи и безудержной лени... все качества народа терпеливого, выносливого, восприимчивого и способного на фанатизм гложли...»³⁶.

Я. Л. Юделевский, с одной стороны, занимал антибольшевистскую позицию, не разделяя реформаторской деятельности новой власти, с другой – считал, что революция «вполне логична» и является отражением поиска человечества новых путей развития³⁷. Не последнюю роль в российских событиях, по его мнению, сыграла и сама безалаберная власть: «О действиях Бьюкена, Виновых, Милюковых и Керенских было отлично известно в обществе... и власть палец о палец не ударила чтобы предупредить подготавливающуюся катастрофу»³⁸.

Наконец, по Я. Л. Юделевскому, революция произошла и развивается еще и потому, что у нее есть свои лидеры, с которыми неизбежно приходилось и приходится считаться: «Ленин обладает целым рядом качеств вождя: воля к власти, презрение к коллегиальности, творчество и дерзость мозга»³⁹. Как считал автор книги, идеолог и практик большевизма Владимир Ленин (Ульянов) «вполне мог бы быть полезен для России, если бы не увлекся идеей противника духа нации»⁴⁰.

Личность вождя пролетарской революции, как известно, вызывала пристальный интерес в

российском зарубежье. Даже непримиримые противники советских преобразований были вынуждены признавать его выдающиеся качества, как главы партии и государства. Тот же А. М. Терне отмечал «недюжинный дипломатический талант» В. И. Ленина⁴¹.

Н. В. Устрялов успех большевизма в значительной степени связывал с «широтой кругозора» и «трезвостью реального политика» лидера революции. Важно отметить, что ядром политической позиции Устрялова, начавшей складываться еще до Крымской катастрофы, стала мысль о национальном характере русской революции. «Какое глубочайшее недоразумение – считать русскую революцию не национальной, – писал он в 1920 г. – Это могут утверждать лишь те, кто закрывает глаза на всю русскую историю и, в частности, на историю нашей общественной и политической мысли»⁴².

В представлении Н. В. Устрялова Владимир Ленин – «фантаст» и «практик» одновременно: «Подобно примерному «государю» Макиавелли он совмещает в себе качества льва и лисицы – в этом его сила»⁴³.

Это, впрочем, не означало подобострастия и абсолютного признания большевистских преобразований Н. В. Устряловым. Вот что по этому поводу он писал в статье «Вехи и революция»: «Если мы занимаем вполне лояльную позицию по отношению к московской власти, то из этого еще вовсе не следует, что мы разделяем целиком всю программу большевистской революции»⁴⁴. Эта мысль получила продолжение в другой публикации «харбинского сидельца» – «Смысл встречи»: «Созревающая готовность русской интеллигенции к искренней и добросовестной работе над воссозданием Родины, возглавляемой Советской властью, отнюдь еще не есть большевизация русской интеллигенции»⁴⁵.

Вторая половина 20-х гг. ознаменовалась качественными изменениями в общественных настроениях зарубежной России. Для значительной части эмиграции все очевидней становилась утопичность политических планов ее лидеров. Постоянная конкуренция представителей политической элиты, связанная с ней изнурительная борьба за влияние, крах многократных попыток объединения («Учредилка», Русский Совет, Национальный съезд, «Всемирный русский съезд» и др.) привели к разочарованию в политических способах решения проблем и переходу общественного процесса в иное русло. На смену некогда популярным эмигрантским лозунгам «интервенционизм», «борьбизм», «свержение Советов» приходили новые идеи, включая так называемое «примиренчество».

Не в малой степени этому способствовала эволюция самого большевистского режима. П. Н. Милюков в 1927 г. выпустил обширное двухтомное монографическое исследование, где констатировал факт «укрепления большевистской диктатуры»⁴⁶. Анализируя ситуацию в Советской

России, в главе «Почему большевики удержались у власти?» он выделил три ее «опоры»: 1) слияние партии и государственной власти, формирование диктатуры; 2) Красная армия, где не последнюю роль играли «военспецы»; 3) красный террор, парализовавший деятельность оппозиции и анти-большевистского движения⁴⁷.

Разумеется, не все были готовы разделить точку зрения историка Милюкова. Ее противниками, в частности, были меньшевики, чья деятельность в эмиграции воспринималась многими как недоразумение, а позже самими меньшевиками была определена как «жестокое поражение»⁴⁸.

Один из лидеров этого политического течения П. А. Гарви в выпущенной в 1928 г. брошюре «Закат большевизма» убеждал читателей, что «закат большевизма начался»⁴⁹. Важно отметить, что «оптимизм» меньшевиков-эмигрантов в немалой степени подпитывался идеями, распространенными в кругах европейской социал-демократии. Весьма показательным явился выход в 1930 г. русской версии работы видного немецкого теоретика Карла Каутского «Большевизм в тупике»⁵⁰. Тем не менее для большинства представителей «России № 2», более трезво оценивавших ситуацию, становилось очевидно – надеждам на быстрое крушение Советской власти сбыться не суждено. Это, в свою очередь, способствовало дальнейшей политической переориентации эмигрантского сообщества и усугублению идеологического кризиса зарубежной России. Так, ряд видных деятелей русской эмиграции заявили о недопустимости предрешения вопроса о политической организации государства вне его пределов и без учета мнения народа. Идея о выборе «образа правления согласно чаяниям народа»⁵¹ разделялась представителями самых разных политических сил эмиграции. Например, она поддерживалась в правом лагере («Братство Русской Правды»), а зачастую компенсировала отсутствие ясной идеологии (особенно характерно для РОВС). Мотивы «белого непредрешенчества» ясно просматриваются в переписке П. Н. Врангеля и А. С. Лукомского еще в начале 20-х гг. В письме от 6 апреля 1922 г. генерал Врангель писал: «Я же почту своим долгом поддерживать всякую власть, явившуюся на смену большевистской, при условии, что эта власть будет отвечать народным чаяниям и надеждам»⁵². Также сторонниками «непредрешенчества» выступали представители демократического крыла диаспоры, например Е. Д. Кускова.

Вместе с тем схожесть доктринальных подходов этих течений отнюдь не означала тактического родства и ни в коей мере не способствовала сближению их позиций в отношении существовавшего в России строя.

Тактическая линия «белых» организаций сводилась к «непримиримости» и «активизму», что на практике выливалось в упорное и настойчивое противодействие Советской власти (включая подготовку и осуществление террористических акций).

«Непредрешенчество демократического толка» чаще всего увязывалось с признанием «эволюции» Советского строя и идеями «примиренчества». В концентрированном виде данная точка зрения была представлена в докладе Е. Д. Кусковой эмигрантской общественности 16 марта 1926 г. в Париже. Основное внимание в выступлении уделялось рассмотрению социально-политической ситуации в СССР и реакции на нее «России № 2». Екатерина Дмитриевна Кускова пришла к болезненному для большинства присутствовавших выводу о признании власти большевиков населением бывшей Российской империи и призвала русскую диаспору пересмотреть отношение к советскому строительству, «внимательно взглянуть» в общественные процессы, происходившие на Родине⁵³.

«Непредрешенческие» мотивы просматривались и в решениях Всемирного русского съезда, открывшегося в столице Франции 4 апреля 1926 г. В его работе приняли участие 420 делегатов из 26 стран, представлявших разнообразные социальные и политические слои российской диаспоры. В «Обращении ко всему миру» было заявлено: «Мы, русские изгнанники, видящие цель своей жизни в освобождении Родины от ига ее врагов, числим в своих рядах представителей разных политических мировоззрений и не считаем возможным, ни желательным предрешение за границей основных вопросов будущего государственного строя России»⁵⁴.

Еще одним обстоятельством, усугубившим раскол в восприятии феномена большевизма, стало появление на политической арене пореволюционных течений. Наиболее яркими из них на начальном этапе стали сменовеховство и евразийство. Сторонники сменовеховства и, в определенной степени, евразийства также придерживались позиции пересмотра отношения эмиграции к Советской власти, осуществления диалога с ней, а значит фактического и юридического ее признания.

Идеологии новых общественно-политических течений базировались на разных идейных посылах, хотя и содержали общие черты, направленные на возможное установление политического компромисса с Советской властью.

Сменовеховцы рассматривали Советскую власть как новую форму российской государственности, соответствующую мессианскому призванию России. Для определенной части российской элиты такое видение русского большевизма стало своеобразным итогом послереволюционных духовных исканий, ответом на поставленный самой историей вопрос о судьбе страны.

Идеологи евразийства не отрицали ценности большевистского опыта государственного строительства, считая, что отдельные элементы аппарата управления страной будут востребованы при созидании будущего евразийского сообщества. Сама партия большевиков, «великолепно органи-

зованная и властная до тираничности», рассматривалась как прообраз будущей партийной системы России – Евразии⁵⁵. Ядром системы должна была стать «партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других партий»⁵⁶. Таким образом, будущий партийный союз виделся государственно-идеологическим объединением, пронизывающим все структуры общества снизу доверху. По сути дела евразийцы стали идеологами государства «мобилизационного типа», способного к масштабным модернизаторским усилиям в течение достаточно короткого исторического отрезка⁵⁷.

Совершенно очевидно, что разнообразная и поляризованная в политическом и культурном измерениях зарубежная Россия не имела шансов на выработку консенсуса в восприятии феномена большевизма. Оценки и прогнозы (большинство из них оказались ошибочны) в отношении социалистического строительства определялись влиянием целого ряда факторов, среди которых: внутриэмигрантская борьба, политические процессы в странах-реципиентах. Не последнюю роль играли отдаленность и все большая закрытость России – СССР.

Тем не менее дальнейшая эволюция Советского государства показала, что проблемы, поставленные в 20-е гг. XX в. в эмигрантской среде, а нередко и предложенные пути их решения, были весьма актуальны и востребованы для судеб страны, в которую большинство эмигрантов мечтали вернуться со своими идеями. Среди них – социально-политическая гармонизация и формирование «среднего» класса, роль и ответственность элит (властвующей и оппозиционной), влияние внешних факторов в политике, наконец, элементарное «сбережение народа».

Учет всего вышеперечисленного в ходе государственного строительства жизненно необходим для успешного функционирования любого общественного организма и в наше время. Как показала практика, игнорирование этих факторов либо их недооценка властью неизбежно приводят к кризису, зачастую с далеко идущими последствиями.

Примечания

- 1 См.: *Шестов Л. И.* Что такое большевизм. Берлин, 1920. С. 17, 19.
- 2 Там же. С. 11.
- 3 Там же. С. 27.
- 4 См.: *Горелов М.* Чёрт за рулём (заметки о большевизме). Берлин : Типография Евгения Александровича Гудкова, 1920.
- 5 Там же. С. 12.
- 6 Там же. С. 20, 22.
- 7 Там же. С. 20.
- 8 Там же. С. 29.
- 9 *Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А.* Царство антихриста. Лейпциг : Типография Шпамера, 1922. С. 22, 29.
- 10 Там же. С. 10.
- 11 *Гольденвейзер А. А.* Якобинцы и большевики : психологические параллели. Берлин : Мысль, 1922.
- 12 Там же. С. 52.
- 13 Там же. С. 11.
- 14 *Сорокин П. А.* Современное состояние России. Прага : Винничук, 1922. С. 19.
- 15 Там же. С. 10.
- 16 Там же. С. 19, 35.
- 17 *Маслов С. С.* Россия после четырёх лет революции : в 2 т. Париж : Русская печать, 1922.
- 18 Там же. Т. 1. С. 7.
- 19 Там же. Т. 2. С. 127.
- 20 Там же. Т. 1. С. 131 ; Т. 2. С. 198.
- 21 Там же. Т. 2. С. 127.
- 22 См.: *Струве П. Б.* Размышления о русской революции. София : Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921.
- 23 См.: *Щербина Ф. А.* Законы эволюции и русский большевизм. Белград : Русская мысль, 1921.
- 24 См.: *Терне А. М.* В царстве Ленина. Берлин : Изд-во А. М. Терне, 1922.
- 25 Смена вех : сб. ст. Прага : Типография «Политика», 1921.
- 26 *Щербина Ф. А.* Законы эволюции и русский большевизм. Белград : Русская мысль, 1921. С. 162.
- 27 Там же. С. 256.
- 28 Там же.
- 29 Там же. С. 259.
- 30 *Устрялов Н. В.* Patriotica // Смена вех... С. 51.
- 31 *Бобринцев-Пушкин А. В.* Новая вера // Смена вех... С. 96.
- 32 Там же // Смена вех... С. 148.
- 33 Там же // Смена вех... С. 127.
- 34 *Ключников Ю. В.* Смена вех // Смена вех... С. 33.
- 35 Возрождение. 1927. № 651. 15 марта.
- 36 *Юделевский Я. Л.* Молодая Россия. Конец русского погрома. Берлин : Изд-во В. Сяльскийкий и А. Крейшман, 1922. С. 40.
- 37 Там же. С. 210.
- 38 Там же. С. 167.
- 39 Там же. С. 191.
- 40 Там же.
- 41 *Терне А. М.* В царстве Ленина. Берлин : Изд-во А. М. Терне, 1922. С. 15.
- 42 *Устрялов Н. В.* В борьбе за Россию : сб. статей. Харбин : Окно, 1920. С. 47.
- 43 *Устрялов Н. В.* Под знаком революции : сб. статей. Харбин : Русская жизнь, 1925. С. 8.
- 44 Там же. С. 48.
- 45 Там же. С. 70.
- 46 *Милюков П. Н.* Россия на переломе. Большевицкий период русской революции : в 2 т. Т. 1 : Происхождение и укрепление большевицкой диктатуры. Париж : Imprimerie d'art Votair 34, Rue Richer, Paris (IX), O. Zeluk, 1927.

- ⁴⁷ Там же. Т. 1. С. 165.
- ⁴⁸ *Меньшевики после Октябрьской революции* : сб. статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона. NewYork : Chalidze Publications, 1990. С. 283.
- ⁴⁹ *Гарви П. А. Закат большевизма. 10 лет диктатуры*. Рига : Nākotnes kultūra, 1928. С. 52.
- ⁵⁰ См.: *Каутский К. И. Большевизм в тупике* / пер. Ф. Дана. Берлин : Социалистический вестник, 1930.
- ⁵¹ *Национально-трудовой Союз Нового Поколения* : в 4 ч. Ч. IV : Исторический отдел. Белград : Меркур, 1938. С. 136.
- ⁵² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5829. Лукомский Александр Сергеевич. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 47.
- ⁵³ См.: *Последние новости*. 1926. № 1821. 18 марта.
- ⁵⁴ *Сборник российских политических программ. 1917–1955*. Клайпеда : Посев, 1989. С. 38.
- ⁵⁵ *Евразийство (опыт системного изложения)*. Париж ; Берлин : Евразийское книгоиздательство. 1926. С. 49.
- ⁵⁶ Там же. С. 52.
- ⁵⁷ См.: *Савицкий П. Н. Евразийство как исторический замысел*. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. С. 105.

Образец для цитирования:

Mitrokhin V. A. Феномен большевизма в восприятии российской эмиграции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 454–460. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-454-460>

Cite this article as:

Mitrokhin V. A. Phenomenon of Bolshevism as it is Perceived by Russian Emigration. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 454–460 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-454-460>
